

© 2011 г.

В. Г. Маисурадзе, М. С. Пирцхалава

БУТЕРОЛЬ ИЗ СЕЛА ПАТАРДЗЕУЛИ (КАХЕТИЯ, ВОСТОЧНАЯ ГРУЗИЯ)

Публикацией этой неизвестной ранее бронзовой бутероли из Грузии пополняется серия бронзовых наконечников ножен в виде сильно стилизованной птичьей головы, датируемых по контексту находок второй половиной VII–VI в. до н.э. и происходящих в основном с Северного Кавказа и Закавказья.

Ключевые слова: бронзовая бутероль, наконечник ножен.

В Сигнагском музее хранится бронзовая бутероль, случайно найденная при земляных работах в селе Патардзеули в Кахетии (Восточная Грузия). Это литая бронзовая деталь длиной 12 см, представляющая собой наконечник деревянных (или покрытых кожей деревянных) ножен. Верхний край шириной 4 см имеет эллипсоидальное очертание; наконечник равномерно сужается книзу и переходит в округлую боковую ажурную деталь, представляющую сильно стилизованное изображение птичьей головы: это своего рода имитация тонкой спирали, передающей закрученный клюв, глаз же показан округлой выпуклостью, помещенной на корпусе наконечника рядом с боковой деталью. Два ряда малых размеров круглых выпуклостей окаймляют верхний край бутероли; между ними по бокам предмета на обеих его сторонах находятся по два сквозных отверстия для прикрепления к деревянной основе (рис. 1; 2, 1).

Бутероли подобного типа для Кавказа не чужды. В разных вариациях они известны на Кавказе и в несколько модифицированном виде и за его пределами. Пока что в публикациях представлены тринадцать бронзовых наконечников этой серии (возможно, число увеличится за счет вновь открытого материала). В Грузии кроме Патардзеули наконечники этого типа найдены на Дванском некрополе, в разрушенном погребении № 4 (рис. 3, 2)¹ и в могильнике Нацаргора в погребении № 495 (рис. 3, 3)², по одному экземпляру. Есть сведения, что несколько подобных бутеролей имелось среди неопубликованных материалов из Брильского могильника.

Маисурадзе Виссарион Георгиевич – доктор исторических наук, директор Центра археологии Отара Лордкипанидзе Национального музея Грузии.

Пирцхалава Марина Северьяновна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра археологии Отара Лордкипанидзе Национального музея Грузии.

¹ Макалатия 1949, 226, рис. 6.

² Ramishvili 2001, № 374.

Рис. 1. Бронзовая бутероль
из села Патардзеули

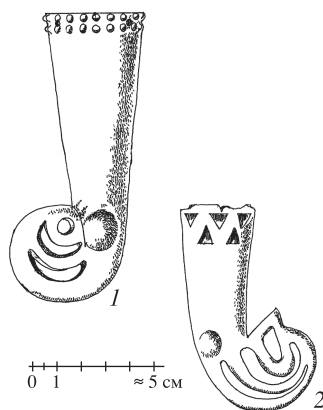

Рис. 2. 1 – бронзовая бутероль
из села Патардзеули;
2 – бронзовая бутероль из Кобани

Большинство бутеролей этой группы известно по материалам Северного Кавказа: четыре найдены в Дигории на могильнике Фаскау (рис. 3, 4–5)³, две – в Кобани (рис. 2, 2; 3, 1)⁴ и две – в двух погребениях (№ 2 и 4) Нижне-Чегемского могильника (рис. 3, 6–7)⁵. За пределами Кавказа один наконечник обнаружен в Старшем Ахмыловском могильнике в погребении № 336 (рис. 3, 8)⁶, другие в скифском кургане Репяховатая могила (гробница № 2)⁷ (рис. 3, 9).

Несмотря на то что среди перечисленных бронзовых бутеролей нет абсолютно тождественных, совершенно очевидно, что они представляют единую типологическую модель. В первую очередь на это указывает своеобразное расширение на нижнем конце предмета – изображение закрученного в спираль клюва, и помещение большого круглого глаза на корпусе бутероли (отклонение составляет наконечник из Репяховатой Могила, о чем речь пойдет ниже); для всех вышеупомянутых бутеролей характерно наличие круглого либо овального сквозного отверстия, образованного загнутым в кольцо или закрученным в многовитковую спираль клювом; предполагают, что оно обусловлено способом ношения оружия и предназначалось для прикрепления петли⁸. Следует отметить и общую техническую деталь: отверстия у верхнего края на всех полностью сохранившихся наконечниках для связи с основным корпусом ножен. Различаясь размерами, они объединены одинаковыми пропорциями – каждая ажурная деталь более или менее полностью сохранившегося наконечника составляет одну треть общей его длины (опять-таки кроме экземпляра из Репяховатой могила).

³ Уварова 1900, 275, табл. 115, 4–5; Крупнов 1960, табл. 75, 2–5.

⁴ Уварова 1900, 83, рис. 80; Погребова, Раевский 1992, 127, РТС. 19, а, б.

⁵ Виноградов 1972, 101, 109, рис. 28, 1, 11.

⁶ Патрушев, Халиков 1982, 46, табл. 56, 4в.

⁷ Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, 41–42, рис. 11, 5–7; 12, 1–3.

⁸ Виноградов 1972, 116.

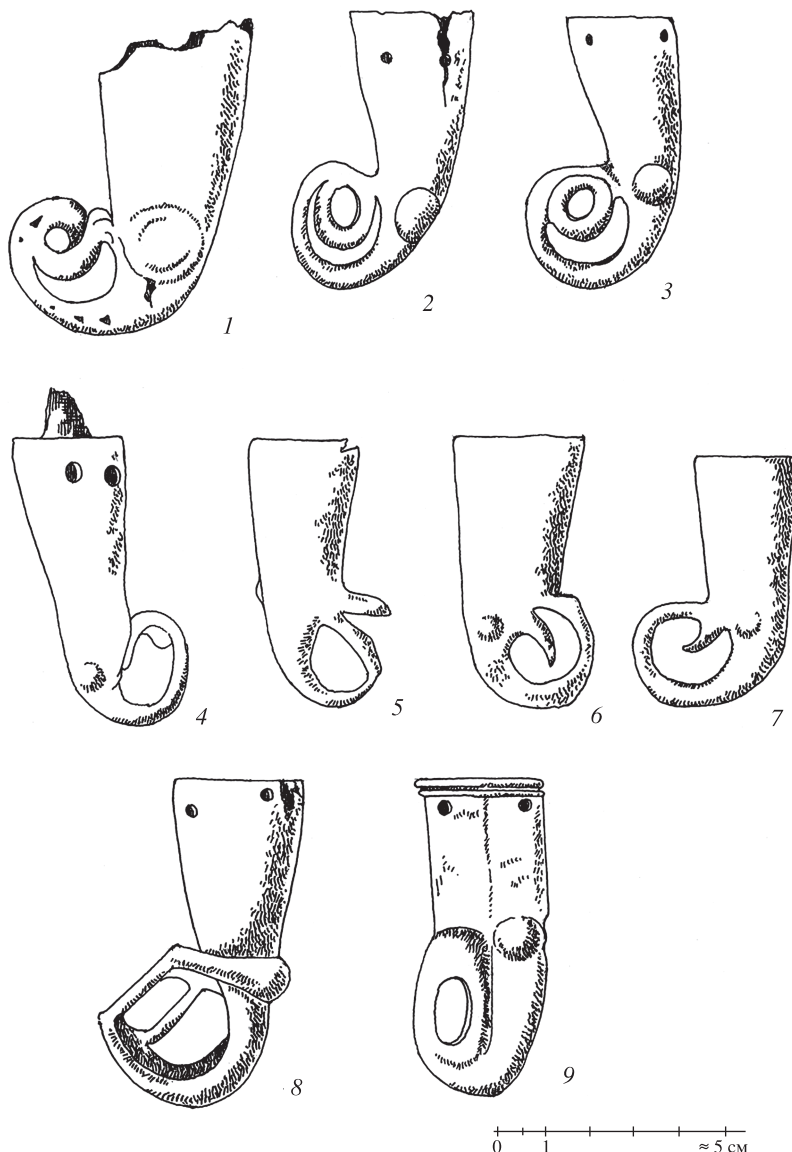

Рис. 3. Бронзовые бутероли: 1 – Кобань, 2 – погребение № 4 Дванского могильника, 3 – погребение № 495 могильника Нацаргора, 4–5 – могильник Фаскау, 6 – погребение № 2 Нижне-Чегемского могильника, 7 – погребение № 4 Нижне-Чегемского могильника, 8 – погребение № 336 Старшего Ахмыловского могильника, 9 – гробница № 2 кургана Репяховатая Могила

При более детальном рассмотрении бутеролой в рамках единой типологической модели наблюдаются определенные стилистические различия, прежде всего в передаче закрученного в спираль клюва. В зависимости от того, сколько витков описывает спираль, имеются следующие варианты завершений бутероли: 1) клюв передан двувитковой валикообразной спиралью, образующей одно круглое (или овальное) сквозное отверстие и одно серповидное (Двани, Нацаргора, Кобань) (рис. 3, 1–3); 2) конец наконечника представляет замкнутое в кольцо круглое (или овальное) отверстие и торчащий крюк – головку грифона с вытянутым языком

(Нижний Чегем, Фаскау)⁹ (рис. 3, 4–7); версией этой же группы считается ахмыловский экземпляр (рис. 3, 8), признанный кавказским импортом¹⁰; 3) кончик в виде имитации трехвитковой спирали – в отличие от вышеприведенных образцов, где витки составлены объемным валиком, это плоская ажурная пластина с одним круглым или овальным отверстием и двумя серповидными прорезами (Патардзеули, Кобань) (рис. 2, 1–2); 4) особняком стоит наконечник ножен из Репяховатой могилы, который определен, как «скифский вариант» бутеролей этого типа¹¹; здесь мы не находим характерного бокового расширения, головка птицы почти полностью вписана в корпус наконечника, и виток клюва, окаймляя овальное отверстие, слегка выступает за его контур (рис. 3, 9).

Часть этих бутеролей либо вовсе не имеет археологического контекста, либо сопутствующие им находки не вполне надежны (наконечники из Патардзеули, Двани, Дигории, Кобани – всего восемь экземпляров); остальные пять происходят из закрытых комплексов, дающих представление о функции и дате изделий, а также о виде оружия, ножны которых они некогда украшали: три наконечника принадлежали акинакам (погребение № 4 Нижне-Чегемского могильника, погребение № 336 Ахмыловского могильника и Репяховатая могила), один – железному однолезвийному узкому мечу (погребение № 2 Нижне-Чегемского могильника) и один – железному согнутому ножу (погребение № 495 Нацаргора).

Вышеупомянутые акинаки, несмотря на разные версии деталей, имеют характерные для скифской архаики черты и, скорее всего, принадлежат к более позднему, по сравнению с раннескифскими образцами, этапу в рамках этой эпохи. Поместить их с уверенностью на конкретную ступень мы затрудняемся. Нижне-Чегемский акинак с массивным бабочковидным перекрестием, трехчленным стержнем рукоятки и сравнительно легким, по сравнению с самыми ранними типами, навершием может быть датирован второй половиной VII – началом VI в. до н.э.¹² Акинаки Старшего Ахмыловского могильника появляются здесь на рубеже VII–VI вв. до н.э. и, как полагают, может быть, и ранее¹³. Акинак из Репяховатой могилы по характерным признакам – короткое массивное брусковидное навершие, плоский стержень рукоятки с двумя продольными желобками и сердцевидное (или почковидное?) перекрестие¹⁴ – можно было отнести к VII в. до н.э., но мы не можем не учитывать мнение исследователей греческой керамики, которые датируют греческий импорт из Репяховатой могилы VI в. до н.э.¹⁵ Интересно вспомнить, что в составе этого комплекса находится железный молотообушный боевой топор¹⁶, который, в отличие от ранних экземпляров, имеет признаки, характерные для поздней стадии скифской архаики – обух с плоской головкой и асимметрично расширенный клинок. Мы воздерживаемся от категоричных суждений о точной датировке этих комплексов, особенно на фоне существующих разногласий в области хронологии среди исследователей раннескифской культуры.

⁹ Виноградов 1972, 144–146.

¹⁰ Виноградов 1972, 113.

¹¹ Ильинская, Тереножкин 1983, 46.

¹² Мелюкова 1964, 50; Виноградов 1972, 101–102, прим. 1.

¹³ Патрушев, Халиков 1982, табл. 56, 4г; Погребова, Раевский 1992, 205.

¹⁴ Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, 42–43, рис. 11, 5, 6; 12.

¹⁵ Cook, Dupont 1998, 170, 174–175, n. 195, 201, 209.

¹⁶ Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, рис. 11, 1; 13, 1.

Плохая сохранность железного меча из Нижне-Чегемского погребения № 2¹⁷ не дает представления о типе оружия. Абсолютная идентичность наконечника ножен из этого погребения с бутеролью из погребения № 4 указывает на их синхронность. Исходя из общих хронологических рамок могильника – VI в. до н.э.¹⁸ – бутероли этого варианта, с окончанием в виде грифонов с вытянутым языком, можно отнести к VI в. до н.э. Этим временем можно определить и найденные вне контекста четыре аналогичных наконечника из Дигории.

Осталось рассмотреть железный согнутый нож из погребения № 495 Нацаргора, на острие которого зафиксирован наконечник ножен этой серии (рис. 3, 3), аналогичный бутеролям из Двани и Кобани (рис. 3, 1–2). В публикации это оружие датировано VIII–VII вв. до н.э.¹⁹ Оно изготовлено из цельного куска железа, имеет согнутое лезвие и характерное строение рукоятки: плоский и прямой стержень переходит в полусферической формы навершие; вдоль всей рукояти расположены гвоздики для крепления деревянной обкладки, следы которой четко прослеживаются на ее поверхности. Ножи этого типа, рукоять и лезвие которых изготовлены из одного куска железа, носят хронологическую нагрузку; они, как правило, на Кавказе обнаруживаются в слоях с предметами скифского типа и их датируют второй половиной VII–VI в. до н.э.²⁰ К этому же времени относятся цельнокованные кинжалы так называемого кавказского типа, имеющие идентичные согнутым ножам рукоятки²¹. Учитывая это, полагаем, что за неимением других датированных артефактов в комплексе Нацаргора, железный согнутый нож, как и погребение № 495 Нацаргора, можно хронологически поместить в пределах середины – второй половины VII в. до н.э. и VI в. до н.э. Следовательно, этим же временем датируются не имеющие археологического контекста бутероли из Двани и Кобани, объединенные нами по сходным деталям в единый вариант.

Вернемся к бутероли из Патардзеули. Среди остальных она выделяется размерами и некой стройностью – бутероль почти в два раза длиннее, и ее корпус симметрично сужается книзу, тогда как у остальных он чуть согнут. Как уже отмечалось, эта бутероль объединяется с кобанским наконечником, и оба предмета составляют один вариант и похожую схему «спирали» на конце (рис. 2, 1–2). Кроме того, у обоих наконечников вдоль верхнего края имеется орнаментальный пояс, в одном случае (Патардзеули) из двух рядов круглых выпуклостей, а в другом (Кобань) – из двух рядов прорезных треугольников. Они, вероятно, синхронны и большого хронологического разрыва между ними и остальной серией наконечников, несмотря на выделенные различия в деталях, не должно быть – и форма, и облик этих наконечников очень специфичны. Можно предположить, что представленная на наконечниках из Патардзеули и Кобани схема имитации трехвитковой спирали – результат дальнейшего развития стилизации птичьей головы, вернее, клюва, представленного на наконечниках типа Двани, Нацаргора и Кобани, но такие выводы преждевременны при отсутствии сопутствующего датирующего материала.

Голова хищной птицы с четко выделенным большим глазом и массивным согнутым клювом является одним из самых популярных мотивов скифского звериного

¹⁷ Виноградов 1972, 109, рис. 28, 1.

¹⁸ Виноградов 1972, 101–104, 109.

¹⁹ Ramishvili 2001, № 374.

²⁰ Абрамишвили 1957, 131, табл. I, 72; Ахвледиани 2003, 60; Виноградов 1972, рис. 66, 2.

²¹ Техов 1980, 30, рис. 10, 19; Папуашвили 1990, 2, табл. I, 19.

стиля и начиная с периода архаики во множестве встречается на разного типа памятниках²². Однако в скифской культуре бронзовые бутероли рассматриваемого типа не встречаются, за исключением наконечника из Репяховатой могилы, который, как было отмечено, по форме, манере исполнения и пропорциям отличается от остальных и определяется как «скифский вариант кавказских бутеролей». Но одно дело мотив, а другое – манера исполнения, и в скифском искусстве это трактуется иначе. Известные костяные наконечники в виде голов хищной птицы, выполненные в характерном так называемом скифском стиле (их не так уж много)²³, резко отличаются от рассматриваемых нами бутеролей, где этот мотив доведен до максимальной схематизации. Их связывает общая идея – голова хищной птицы как украшение конца. Особо следует выделить уникальный наконечник из погребения 246 Тлийского могильника, трактованный в раннескифском стиле, с массивным, закрученным в виде спирали клювом и выступающим за контур головы большим выпуклым глазом²⁴. Подобно изображениям на рассматриваемых бронзовых бутеролях согнутый клюв и здесь очерчивает круглое сквозное отверстие, и в том положении, в каком зафиксирован наконечник на кинжале, закрученный клюв напоминает спиралевидное расширение на концах бронзовых бутеролей. Интересно отметить, что наконечник из Тли принадлежал ножам кинжала местного кавказского типа.

Топография находок интересующих нас наконечников ножен указывает на то, что ареал их расположения в основном очерчивается Северным Кавказом и Закавказьем. Существует попытка определить кавказские корни бутеролей этой серии²⁵. В качестве иллюстрации обычно приводят фрагмент бронзового ажурного наконечника из Жемталинского клада, на котором нижний конец загнут наподобие птичьего клюва, а вся поверхность покрыта прорезями узко треугольной формы с острыми углами в противоположные стороны²⁶. Аналогичное расположение прорезных треугольников наблюдается и на бронзовом ритонобразном наконечнике из могильника Фаскау²⁷. В этой связи вспомним вышерассмотренный бронзовый наконечник из Кобани, верхний край которого украшен двумя рядами прорезных треугольников, направленных вершинами друг к другу. Считается, что Жемталинский комплекс предшествует появлению предметов скифского типа на Кавказе²⁸. Поэтому высказывалось предположение, что оформление завершения ножен в виде птичьей головки на Кавказе было местной традицией²⁹. Так что сочетание птичьей головы с ажурным мотивом проявляется еще в жемталинском наконечнике.

Полагаем, что на бутероли из Патардзеули, как и на остальных наконечниках этой серии, широко известный мотив птичьей головы трактован в специфическом, только им присущем стиле, что обусловило особую форму наконечника. Все признаки, отличающие эту группу от синхронных артефактов скифского типа, позволяют заключить, что бронзовые бутероли рассматриваемого типа представляют собой кавказское явление.

²² Иванчик 2001, 81; Погребова, Раевский 1992, 122–128, рис. 18, 31.

²³ Иванчик 2001, 83, рис. 35, 1, 4, 6; Погребова, Раевский 1992, 125, рис. 18, д, ж, м.

²⁴ Техов 1980, 38, рис. 18, 2, 3.

²⁵ Виноградов 1972, 115–117.

²⁶ Крупнов 1952, 11, табл. II, 1; Виноградов 1972, 117.

²⁷ Крупнов 1960, табл. 75, 6.

²⁸ Крупнов 1952, 28.

²⁹ Виноградов 1972, 117.

Литература

Абрамишвили Р.М. 1957: К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике // ВГМГ. XIX–А и XXI–В (на груз. яз., резюме на рус. яз.). Тбилиси, 115–140.

Ахведиани Н. 2003: К датировке керамики с вогнутым во внутрь венчиком // Дзиебани. Приложения. X. Журнал Центра археологических исследований АН Грузии (на груз. яз.). Тбилиси, 59–65.

Виноградов В.Б. 1972: Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н.э.). Грозный.

Иванчик А.И. 2001: Киммерийцы и скифы (степные народы Евразии, 2). М.

Ильинская В.А., Мозолевский В.Н., Тереножкин А.И. 1980: Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ / А.И. Тереножкин (ред.). Киев, 31–63.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. 1983: Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев.

Крупнов Е.И. 1952: Жемталинский клад // Труды ГИМ. IV / А.П. Смирнов (ред.). М., 1–35.

Крупнов Е.И. 1960: Древняя история Северного Кавказа. М.

Макалатия С.И. 1949: Раскопки Дванского могильника // СА. XI, 225–240.

Мелюкова А.И. 1964: Вооружение скифов // САИ. ДІ–4. М.

Папуашвили Р.И. 1990: Колхидские кинжалы // Препринт. Центр археологических исследований АН Грузии. Тбилиси.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. 1982: Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. 1992: Ранние скифы и Древний Восток. М.

Техов Б.В. 1980: Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н.э. М.

Уварова П.С. 1900: Могильники Северного Кавказа // МАК. VIII. М.

Cook R.M., Dupont P. 1998: East Greek Pottery. L.–N.Y.

Ramishvili A. 2001: Georgien. Schätze aus dem Land des Goldenen Vlies. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum in Verbindung mit dem Zentrum für Archäologische Forschungen der Georgischen Akademie der Wissenschaften Tbilissi vom 28. Oktober 2001 bis 19. Mai 2002 / Hrsg. von Irine Gambfšchidze, Andreas Hauptmann, Rainer Slotta und Ünsal Yalçın. Bochum. № 374.

A BOUTEROLLE FROM THE VILLAGE OF PATARDZEULI (KAKHETI, EAST GEORGIA)

V.G. Maisuradze, M.S. Pirtshalava

The Museum of Signaghi has in its collection a bronze *bouterolle* of dagger sheath. Objects of this type are known in the Caucasus and, in a modified form, outside it. When the context allows a chronological attribution, they are usually dated to the second half of the 7th and to the 6th century BC. The topography of the finds shows that such objects were used in the North Caucasus and Transcaucasia. The head of a bird of prey with a big clear-cut eye and a massive hooked beak (such as on the object described here) is one of the most popular motifs of Scythian animal style. However, bronze *bouterolles* of the type in question are not to be found in Scythian culture, the only exception being a similar object from the Repyakhovata Mogila, described as a Scythian variant of Caucasian *bouterolles*. The authors believe that decorating a sheath with a bird head had been rooted in the local tradition. The *bouterolles* of the series to which the one from Patardzeuli belongs are distinguished for their peculiar style and must be regarded as a Caucasian phenomenon, different from Scythian artifacts of the same period.